

11-17 авг. — с. 21-22

МИХАИЛ БОЯРСКИЙ: “За полмиллиона долларов я надел бы на голову презерватив”

Екатерина ДЕЕВА.

В третьем классе я была влюблена в Него по уши. Готова была лобызать круп его коня. Из-за Него десять лет проходила фехтованием. Черт возьми (как Он до сих пор по-д'артаньяновски любит выговаривать, лихо раскатывая “р-р-р”), черрт возьми — вот это был секс-символ так секс-символ! Девочки-девушки-женщины-бабушки сладко дрожали и плакали о нем светлыми ларинскими слезами. А теперь я приезжаю в Питер, и что я слышу? “Боярский... А, Боярский... Постарел ужасно... Актер одной роли... Делает деньги... Сосед Собчака...”

Ну да, сосед. В парадной — охранник у монитора, под лестницей вместо детских санок — модные тренажеры, звонок гулко отдается в глубинах восьмикомнатной квартиры. Хозяин принимает в пижаме, у камина. По-моему, волнуется. То надевает, то снимает очки. За очками меньше видны морщинки.

Кумиры сменяются оттого, что меняемся мы. Или наоборот...

— Михаил Сергеевич, в вас сейчас влюбляются?

— Я этого не замечаю, на мне уже такой панцирь с годами вырос — пробить невозможно. Любопытная история... Когда все было с перебором — это меня отторгло от количества. Хотя я не пополнял ряды сексуальных меньшинств. Мне интересна женщина. Я люблю копаться в ее тонкостях, капризах. Просто стакан вина, и в бой — мне этого уже не надо.

— Говорят, когда-то ваш подъезд экзальтированные дамы каждый день брали штурмом...

— У! Я и с ножом бегал за ними, и бил. Был груб и жесток. А что делать? Они под машину ложились, стекла колотили.

— Вы уже двадцать лет женаты. Как ваша супруга переносила все эти истории с поклонниками?

— По-моему, нормально. Лариса, во-первых, сама актриса. А во-вторых, что бы ей скандального ни говорили обо мне, она все равно не поверит. Если бы ей одно письмо пришло — “Я очень рада близким отношениям с вами мужем”, — была бы скан! А когда таких писем сто... то есть поклонницы сами себе вырыли яму. Даже если они выкладывали правду, это выглядело, как фантазия... Кстати, знаете, за что меня недавно задержали в Израиле перед гастролями? При переходе границы со мной было так много женщин

— пять или шесть, — что подумали, что я сутенер. Жена, дочка, актриса из нашей труппы с дочкой... А у меня мафиозный вид был немножко — черный костюм, шляпа. Всех пропустили, кроме меня. Потом прибежали девочки-эмигрантки, узнали, попросили автограф: “Будем поздравлять после вашей смерти”. Я обиделся...

— Какой спектакль возили в Израиль?

— “Жизнь интимная”. Любовь, ревность, семейные драки... Мы много гастролируем: Америка, Чехия, Германия... Нас четверо пока, артистов. Больше не потянуть, сложно с декорациями, с переездами. Пока декорация умещается в чемодане, нас приглашают везде...

— Предлагают сейчас роли в кино?

— Время, когда снимали четыреста картин в год, и я мог брать одну-две-три интересные роли из восьми, закончилось. Теперь я должен сам найти, организовать что-нибудь стоящее. Меня, например, часто звали в фильмы про racket. Но все эти дешевые трюки...

Недавно снялся я в тринадцатисерийном фильме “Зал ожидания” — с Тихоновым, Глаголевой,

Костоловским... Играю главную, странную роль. Но способ съемок меня не устраивает. Все делается слишком быстро, учителяют метраж, а не качество. Вообще вы напрасно со мной про кино говорите. Я существую один. Меня не приглашают ни на какие фестивали, хотя я снялся более чем в ста кинофильмах. Теперь я знаю, что могу рассчитывать только на себя во всех ситуациях, на себя и на своих немногочисленных друзей.

Есть своя студия телевизионная — ну, почти своя, где я могу снимать или не снимать передачи. Есть в театре аудиостудия, где я могу записывать... Сделал два новых альбома. Один — с группой “Сильвер”, другой — сольный, с балладами, морской романтикой. Такая смесь Грина с Джеком Лондоном...

— И все-таки печально, что в кино мы вас почти не видим.

— А вы назовите мне артиста, который часто снимается.

— Э-э... Например, Меньшиков.

— Пять — десять картин, и все. Мне очень жаль, что такой артист, как... Ну, не будем сравнивать с нашими... В общем, что

Бельмондо или Сталлоне появляются на экране в пять-шесть раз чаще. А у нас Ленфильм превратился в склад. Там складывают мебель. Мне предложили быть заведующим дискотекой: берут в аренду ленфильмовские павильоны под клубы, рестораны... Я, конечно, отказался.

— То есть была вакансия свадебного генерала?

— Теперь это называется “бизнес-фейс”...

— А вообще, какое деловое предложение вас больше всего шокировало?

— Сняться в рекламе. Говорят, кто-то изобрел телевизор, который на рекламе сам выключается. Я бы таких купил пять сразу. Зубы гниют, желудки не работают, волосы выпадают, перхоть на плечах — ну черт-те что! Все эти прокладки — я их видеть не могу. Особенно мне нравятся девочки: “Вы знаете, я почувствовала разницу...” Как же это снимается! Оператор там, свет, гример... Режиссер: “Не-не-не! Произноси нежнее! Ты представь себе, что нашла подснежник. Ну, давай еще порепетируем!”

— Так вас в какую рекламу звали?

— Соус. Французский. Острый. Я сказал, что это будет стоить сто тысяч долларов. Кстати, действительно, если бы заплатили ту сумму, после которой я не смог бы выходить из дому от стыда... То есть раз снялся — и все. Хотя презерватив прорекламировал. Полмиллиона давайте — я себе его на голову надену!

— Вы хорошо зарабатываете сейчас?

— Я бы сказал, что есть даже перебор. И не в деньгах скорее, а в работе. Потому что надо иметь ее столько, чтобы не мешала жить. Мне самому ничего не нужно в общем-то. Ни яхта, ни самолет, ни супермашина, ни хоромы какие-нибудь. Все это семье, друзьям, детям, гостям и так далее.

— Но квартира у вас — просто мечта. Откройте секрет — как поселиться в одном подъезде с Собчаком?

— Я сюда въехал лет десять назад. По обмену. Тогда даже и не думал, что здесь поселится мэр. В парадном был общественный туалет. Когда с Дворцовой площади шли демонстранты по домам — все завораживали. На моем первом этаже крысы бежали. Но я очень хотел жить напротив дома Пушкина. Такое место... Когда поселился Собчак, поставили за счет городских властей охрану, все подремонтировали. А после того, как победил Яковлев, жильцам пришлось ски-

дываться на охранника.

— У вас какая машина?

— На "Ниве" езжу, у жены — "Мерседес."

— А сотовый телефон есть?

— У сына. Телефон необходим для того, чтобы сын не потерялся. Перстня с камнем, цепей золотых у меня нет...

— Вам приходилось давать платные частные концерты? На днях рождения, например?

— Приходилось.

— И что за публика собирается?

— Меня совершенно не волнует. Во мне работает бухгалтер, и я понимаю, что за этот час я заработаю столько, сколько весь наш театр не заработает за год. Я просто пытаюсь максимально

Есть вещи, которым они завидуют безумно, как Сальери. Тысяча Сальери на одного Высоцкого. Они думают: "Ну как же так, он поет, а я весь в деньгах, весь в мешках, и не могу!" В этом наша сила. И женщина, конечно, не устоит. В момент соперничества деньги проигрывают пафосу и таланту. Это потом уже она может одуматься...

— Интересно, сколько вам заплатили за "Трех мушкетеров"?

— Три с чем-то тысячи рублей за полтора года работы. Просто ничего. Но как мне это нравилось, черт возьми! Особенно то, что происходило после съемок. Мы были молоды, азартны, у нас был миллион баб, шпаги, кони! В

что состоялся этот фильм. Мы сохранили свое собственное государство, собственные законы. У нас деньги были в одном ащике, кто рубль клал, кто три, у кого что. Спали в одном номере. То есть у каждого был свой номер, но спали в одном. И не одни. Мы смотрели любые запрещенные фильмы и даже эротику — стоял на какой-нибудь видеоманитон, а огромная кинопередвижка, которая на потолок показывала.

— Где же эротику брали?

— Привозила милиция. Она конфисковывала эти ленты, а мы с ней дружили. Девчонки приходили толпами — кто с пивом, кто с водкой. Кто уже с наколкой, как у миледи, — лилий. Лилия на заднице, лилия на груди, ли-

из самолета после спектакля, ночью прилетел во Львов. И тут из кустов выходят мушкетеры: поднос — бутылка водки, огурец... Спали час-два в сутки... Не было ничего, за что нам было бы стыдно. Все это было такое, в хорошем смысле, веселое озорство. Я козла увез со съемочной площадки. Почему-то мне казалось — это священное животное, козел... Меня пустили с трудом в самолет. Козел обделал весь салон. Я его привез в театр, мы сшили ему одежду, он бегал по театру, жил у меня дома. Телеграммы шли из Одессы: "Верните козла срочно!"

— Запах-то был от козла?

— Ну... Я как-то не очень помню. Наверное, от меня самого

— Но персонажи в последней части будут еще дряхлее!

— Д'Артаньян у Дюма погибает случайно. Атос — в постели. От тоски. Портос — под стеной. Не то чтобы все это бездарно, а как-то бесцельно. Нельзя было так просто с ними распрощаться! Я думаю, что это не сам Дюма писал, а его ученики. Хорошо зная материал, ту эпоху, я предложил несколько другой вариант. Совсем старенький де Тревилл просит у мушкетеров помощи. Они бросают все ради дружбы и чести и гибнут. Д'Артаньян будет женат, и его сыну исполнится столько лет, сколько было ему самому в первой книге...

Ведь если Дюма был в Петербурге, почему он не мог встретиться с одной из моих бабушек и не подарить ей, скажем, оригинал рукописи? Это уж потом ученики все переписали. А оригинал как раз я как бы и нашел. В сундуке у бабушки!

Я ведь это делаю, как это ни странно, не для зрителей. Для НАС. Это способ наших отношений.

— Как умрет "ваш" Д'Артаньян?

— Ему в грудь попадет ядро.

— Но это же жутко кровавая сцена!

— Вы наивный человек. Это делается очень просто. Крупным планом — пушка, потом — герой, потом — ядро летящее, глаза героя, опять ядро, потом человеку бросают в грудь мягкую подушку и снимают толчок. Разорванный тонет в крови — мосфильмовской краске... И наконец — лицо умирающего Д'Артаньяна, который говорит:

"Атос, Портос, до встречи. Арамис! Прощайте".

МК

Михаил БОЯРСКИЙ:
Четыре девушки — хорошо.
Двадцать четыре — еще лучше...

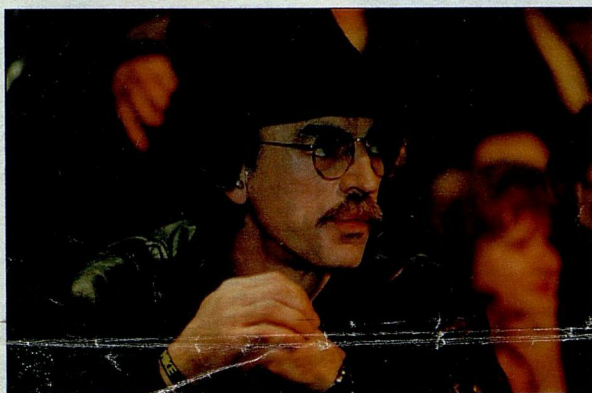
лия на плече. Они тоже были все заражены музыкой Дунаевского, этой вакханалией. Утром на съемку — в автобус, за город, потом — костры, колбасы на шпигах, вина... Жизнь была такая бурная и радостная! Меня любили и мне изменяли, я ползал по балконам, спускался на веревках, тонул и спасал, был бит и сам бил. Горел автобус, и мы его тушили...

У нас был бухгалтер, женщины очень милая, но очень-очень законопослушная. Мы встали за километр до гостиницы на колени вчетвером, поползли. Толпами народ смотрел, как четыре мужика идут на коленях. И она, когда выглянула с балкона и увидела нас, не смогла отказать. Выдала сучочные на десять дней вперед.

Мы воровали в магазинах. Один целовал продавщицу, другой утаскивал ящик с копчушкой, которую мы приносили в гостиницу и меняли на сметану, водку, пельмени... Но это не воровство, потому что потом приносили обратно деньги девушке бедной.

Ничто не делалось в одиночку, никто не имел права ухаживать за женщиной один. Все должно быть вчетвером. Познакомь. Представь. Деньги отдай. Вместе ухаживаем за ней. Вместе угощаем. Вместе провожаем. Четыре девушки — хорошо. Двадцать четыре — еще лучше...

Грустный выходит кто-нибудь

хорошо исполнять песни, чтобы получить удовольствие от процесса. Когда я пел в микрофон, надо мной издевались певцы старой школы: Вот, мол, пошла молодежь, у которой голоса нет. Так же мне теперь смешно, когда я пою в микрофон, а остальные раскрывают рот под фанеру...

Раньше профессия актера была более благородной. "Мы в заплатах, но, черт возьми, мы с Шекспиром на "ты"! А сейчас любого артиста покупают. Я пытаюсь избегать таких сделок на людях. Но чего мне врать-то...

Соберется группа богатых, один концерт даю официальный, а другой для двадцати человек. В общем, ничего страшного в этом нет. Но не знаю, как объяснить... Какой-то стыд еще остался. Сейчас рождаются люди без стыда. Они могут все. А я не знаю, перед кем этот стыд — то ли перед моими родителями, которых уже нет, то ли перед моими друзьями, которые увидят... Вот этого я боюсь.

— Удастся держать дистанцию с теми, кто приглашает?

— Артист — это расхожая монета, которую можно купить. Но ведь мы говорим про благородство, а не о тех, кто нам платит! Они на это не способны.

кадре потребляли только натуральные продукты: вино так вино, окорок так окорок! А когда пытались заменить все это рекевизитом, мы обращались к системе Станиславского: не можем, мол, не выходит...

Завтракали с вином. И все это нас не опускало, а поднимало. До определенных высот. Никто не падал с лошади, никто никого не ранил шпагой. В обед мы не снимали бороды, парики, костюмы. Шли в какую-нибудь забегаловку. И если над нами кто-то смеялся, у нас шпаги всегда были с собой. Во Львове у нас был Париж, а в Одессе — Лондон...

И с женщинами все было в порядке, потому что массовка большая. В одном автобусе — те, кого отобрал помреж, а в другом — те, кого отобрали мы. Он не мог понять — что это за женщины? Откуда такие полные автобусы? Можно было просто на улице подойти и сказать: "Девушка, не хотите ли сняться? В кринолине, с причесочкой..." И она была счастлива, и мы получали удовольствие...

— Вы действительно дружили, как мушкетеры Дюма?

— И Веня, и Володя, и Игорь, и я, конечно, живы творчески во многом благодаря тому,

